

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ ПРАВОВЕДЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье поднимаются актуальные вопросы о роли в образовательном процессе основных категорий и понятий фундаментальной науки правоведения в условиях его унификации и гармонизации. Обосновывается необходимость формирования особого мировоззрения у студентов – будущих юристов как специалистов XXI века. Высказаны предложения по совершенствованию федерального компонента в общей программе подготовки юридических кадров.

Ключевые слова: общеправовые категории, научное мышление, инструмент познания, образовательный стандарт, общечеловеческие ценности, унификация и гармонизация образовательного процесса, личность юриста в XXI веке, преподавание международного права и теории государства и права.

Познание в образовательном процессе применительно к университетскому образованию предполагает получение студентами знаний и обретение на их основе навыков научного мышления применительно к определенному объекту науки и в определенной области бытия. Получаемые студентами в процессе обучения в вузе знания относятся к вторичным в силу того, что студент получает знания об объекте из «вторых рук». Производство знаний об объекте – задача ученых; *квинтэссенция этих знаний* и должна быть осмыслена студентами и войти в их мировоззрение. Иными словами, студент получает знания о знаниях. Любое научное знание об объекте, как известно, предполагает сочетание **фундаментального и специального знания**. Соответственно и научные дисциплины подразделяются на **фундаментальные и специальные**. В этом плане юридические науки не составляют исключения. Система юридических наук (правоведение) включает в себя *фундаментальную науку и специальные по отношению к ней науки*. Общеизвестно, что фундаментальной наукой правоведения является *общая теория государства и права*. Благодаря своему предмету исследования, который включает *сущностное и закономерное* в объекте, то есть в государственно-правовой действительности, теория государства и права отвечает всем критериям, предъявляемым к фундаментальным наукам: *самый высокий уровень познания (обобщений), преобладание объективного момента в исследовании, не прямой, а опосредованный выводами специальных наук выход на практику*. Благодаря этим характеристикам общая теория государства и права **способна** представить в раз-

вернутых категориях и понятиях *целостную картину государственно-правовой реальности по всем направлениям и во всех ее проявлениях*. В ее категориях и понятиях закрепляются знания о сущностном и закономерном в государственно-правовой надстройке. Поэтому основные категории и понятия этой науки входят *составной частью в структуру метода специальных юридических наук*, в чем и состоит одно из значений ее методологической функции [1].

В предмет любой учебной дисциплины включаются вопросы, которые либо уже получили, в той или иной степени, свое **научное объяснение**, либо вопросы, которым еще только предстоит его получить. Любой процесс получения знаний – как первичных, так и вторичных – предполагает выбор *методов* познания, то есть необходимого инструментария для осуществления подобного рода деятельности. Следовательно, аксиому **«не только результат исследования должен быть истинным, но и путь, к нему ведущий»** следует учитывать не только при производстве знаний об объекте, но и в образовательном процессе.

Именно в образовательном процессе студента необходимо вооружить *требуемым инструментарием научного познания*, без которого студент не только не сможет обрести навыки научного мышления, но даже – получить прочные знания, составляющие базис профессии. Повышение качества высшего образования, подготовка специалистов, отвечающих современным требованиям гармонизации и унификации образовательного процесса, – основная задача любого вуза. Цель унификации и гармонизации обозначена в принятой ЮНЕСКО в

1998 году Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века, а именно – образование и подготовка кадров во всех областях должны осуществляться таким образом, чтобы это способствовало «осознанию глобальных проблем, роли демократического правления и квалифицированных людских ресурсов в их решении и необходимости жить вместе в условиях существования различных культур и ценностей».

Объективная потребность в унификации и гармонизации и основные ориентиры образовательного процесса вытекают из содержания Декларации тысячелетия, утвержденной Резолюцией 55/2 ГА ООН 8 сентября 2000 года. Государства – члены ООН в Декларации тысячелетия заявили о своей решимости «установить справедливый и прочный мир во всем мире в соответствии с целями и принципами Устава ООН, основными принципами международного права, и признали, что они несут «коллективную ответственность за утверждение принципов человеческого достоинства, справедливости и равенства на глобальном уровне... перед всеми жителями Земли, особенно перед наиболее уязвимыми из них, в частности перед детьми мира, которым принадлежит будущее». В этом документе были обозначены основные фундаментальные ценности, которые, по мнению членов международного сообщества, будут иметь существенно важное значение для международных отношений в XXI веке, а именно: «свобода», «равенство», «солидарность», «терпимость», «движение к природе», «общая обязанность по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также устранению угроз международному миру и безопасности», «разделяемая между народами мира и осуществляемая на многосторонней основе». Для претворения этих общих ценностей в конкретные действия были определены и цели, среди них – укрепление «уважения к принципу верховенства права, причем как в международных, так и во внутренних делах». Словом, Декларация тысячелетия констатировала, что мир *неделим*, обременен глобальными проблемами, к ним отнесены: «мир, безопасность и разоружение», «осуществление права на развитие для всех», «искоренение нищеты и избавление рода человеческого от нужды», «охрана нашей общей

окружающей среды», «права человека», «демократия и благое управление», «защита уязвимых», «удовлетворение особых потребностей Африки», «укрепление ООН». Неделимость мира и его противоречивость требуют **объединения** усилий всех государств планеты по решению общих задач человечества. В этих условиях неизбежно возрастает роль разного рода специалистов высшей квалификации и, стало быть, – требования к их подготовке.

В последнее время наблюдается ускоренный процесс осуществления реформ высшей школы по образцу, предложенному Западной Европой. Болонский процесс, разумеется, вписывается в общемировой процесс *гармонизации и унификации* образовательного процесса во взаимосвязанном и противоречивом мире¹. Таким образом, применительно к юридической профессии необходимо **особо** отметить задачу формирования у студента-юриста мировоззрения, отвечающего требованиям характеристики специалиста XXI века. Если принять за основу сложившееся представление о мировоззрении как о системе взглядов на мир и место человека в нем и обусловленное этой системой отношение человека к окружающей его реальности, его убеждения, идеалы, принципы познания действительности и основополагающие начала его деятельности, то требования к специалисту XXI века, как нам представляется, предполагают: уважение к **общечеловеческим ценностям**, осознание **общей судьбы** для всего человечества, восприятие **целостности мира**, признание **правомерности существования в планетарном масштабе разных культур и цивилизаций и необходимости диалога** между ними **на основе** прежде всего **международного права**. По большому счету, отмеченные мировоззренческие требования в XXI веке следует отнести к личности выпускника университетского уровня по любой профессии, однако в силу *широты и многогранности* сфер потенциального приложения *юридических знаний к общественно-исторической практике* **в первую очередь** должна отвечать требуемым характеристикам личность носителя юридической профессии. Носитель юридической профессии в XXI веке должен обладать широтой кругозора, видением **сути** объективно существующего взаимодействия

¹ Мы в контексте этой статьи отвлекаемся от вопроса об издержках для высшего образования страны при осуществлении реформ высшей школы по западноевропейскому образцу. Плюсы и минусы Болонского процесса – это предмет отдельной нашей публикации.

межгосударственной и национальных систем, частным случаем которого является взаимодействие международной и национальных правовых систем. Все эти требуемые характеристики юриста будут способствовать эффективности его деятельности на всех стадиях правового регулирования (внутригосударственного и международного), начиная с правотворчества и заканчивая участием в охране и укреплении правопорядка – как внутри национальных обществ, так и в международной системе.

Формированию навыков научного мышления и должного уровня мировоззрения выпускников юридических факультетов призвана служить теория государства и права как учебная дисциплина, основная задача которой состоит в том, чтобы вооружить студентов знаниями о государственно-правовой действительности (реальности) **в целом** через усвоение ими развернутых категорий и понятий, которые один из крупнейших теоретиков права XX века А.М. Васильев совершенно обоснованно считал «средством организации готовых знаний» и указывал, что категориальный аппарат теории права «выполняет не только логическую, познавательную, но и мировоззренческую функцию» [2, с. 58]. Как отмечал проф. А.М. Васильев, «научное мышление функционирует и развивается в понятийной форме» [2, с. 57]. Само научное понятие А.М. Васильев рассматривал с позиции диалектической логики и характеризовал «как мысленное (идеальное) воспроизведение сущности познаваемого объекта... концентрация знаний о нем» [2, с. 57]. Детализируя эту формулировку применительно к правовым научным понятиям, А.М. Васильев указывал, что они есть «содержательные предметные образы, которые воспроизводят в мышлении (идеально) объективную суть реальных процессов правовой действительности и отношений, существующих в ней, и выражают специфически правовую качественную определенность данных процессов и явлений» [2, с. 57]. При этом основные фундаментальные понятия А.М. Васильев именовал категориями. Правовые категории, по определению А.М. Васильева, – это «предельные по уровню обобщения фундаментальные абстрактные понятия теории правоведения» [2, с. 58]. В своей монографии А.М. Васильев обосновал вывод о том, что основной фундаментальной категорией в системе правовых категорий является категория «государственная воля» [2, с. 111].

Даже при беглом беспристрастном взгляде на объект юридической науки можно обнаружить государственную волю как во внутригосударственном праве, так и в международном праве, рассматриваемых в аспекте самостоятельных и взаимодействующих правовых систем. Природа не только внутригосударственного, но и международного права производна от государственной воли членов международного сообщества. Применительно к внутригосударственному праву мы обнаруживаем волю отдельно взятого государства, а применительно к международному праву воля отдельных государств-членов международного сообщества трансформируется в сложную волю; ее в науке обозначили категорией «*согласованная воля государств-членов международного сообщества*». Категорию «*согласованная воля государств-членов международного сообщества*» обосновал юрист-международник с мировым именем Г.И. Тункин [3].

Отмеченные общие характеристики категориального аппарата позволяют сделать вывод о том, что получение студентами общетеоретических знаний, усвоение ими содержания категориального аппарата этой науки и есть путь к формированию *навыков научного мышления и должного мировоззрения*. Следовательно, основные категории и понятия теории государства и права служат *ориентиром* как в дальнейших исследованиях объекта юридической науки, так и в образовательном процессе.

От фундаментального знания, как известно, зависит успех и результат научного поиска в исследовании более конкретных научных проблем; эту же зависимость отметим применительно и к образовательному процессу. Процесс получения студентами вторичных знаний о государственно-правовой реальности в целом начинается со знакомства с общетеоретическими основными категориями и понятиями на первом курсе обучения. На этом этапе студенту еще трудно осмыслить содержание этих категорий и понятий на предмет определения точности и полноты отражения в них самой государственно-правовой действительности. Студенты на первом курсе лишь знакомятся с основными категориями и понятиями через дефиниции, предложенные авторами учебника и преподавателями теории государства и права. На последующих курсах идет процесс восхождения студентами от *общего к конкретному* при изуче-

нии ими отраслевых дисциплин, то есть студенты общетеоретические дефиниции осмысливают применительно к изучению функционирования тех или иных отраслей права. И, наконец, на старших курсах студент приступает к изучению такой учебной дисциплины, как «Проблемы теории государства и права». Предполагается, что в рамках усвоения этой дисциплины студент, вооруженный знаниями отраслевого материала (обладая конкретными знаниями), в познании будет восходить от *конкретного к общему*, но уже на более высоком витке познания. Старшекурснику *становится под силу восприятие смыслового содержания* категориального аппарата, более того, студент находит (или не находит) подтверждение своим общетеоретическим знаниям в общественно-исторической практике, к которой он вынужден обращаться при получении специальных знаний отраслевого материала. Отсюда можно сделать вывод о том, что *точность* и *полнота* отражения в категориальном аппарате фундаментальной науки правоведения государственно-правовой действительности (реальности) имеет важное значение не только для производства первичных знаний, но и для решения задач образовательного процесса.

Обратимся к содержанию общеправовых категорий и понятий и попытаемся осмыслить его с позиций *полноты* и *точности отражения в них объекта юридической науки*. Подобного рода ревизия категориального аппарата время от времени должна иметь место в силу кардинальных изменений самого объекта науки. При ближайшем рассмотрении содержания многих общеправовых категорий обнаруживается неполнота отражения в них государственно-правовой реальности: эти категории до сих пор фиксируют знания преимущественно лишь о внутригосударственном праве, без учета специфики международного права. Еще в апреле 1984 года на расширенном заседании Ученого совета Института государства и права Академии Наук СССР рассматривалась проблема общетеоретического осмысления соотношения международного и внутригосударственного права. Заслушанные на этом заседании доклады первого заместителя директора ИГП АН СССР проф. А.М. Васильева (теоретика права) [4; с. 64-72] и заведующего кафедрой международного права Свердловского юридического института проф. Г.В. Игнатенко (юриста-между-

народника) [5; с. 73-81], результаты обсуждения этих докладов [6; с. 81-84] свидетельствуют о том, что тогда впервые был достигнут консенсус между академической и вузовской наукой по вопросу о необходимости синтеза знаний о государственно-правовой действительности, прежде всего в исследовании проблемы соотношения внутригосударственного и международного права. К сожалению, с тех пор прошло немало лет, однако принципиального поворота к синтезу знаний о государственно-правовой действительности так и не случилось. Разумеется, в научных публикациях стали авторы чаще упоминать международное право, больше указывая на различие между международным и внутригосударственным правом, нежели на основу их совместного функционирования, на общую основу их взаимодействия [7].

Обращение к международно-правовой материи прослеживается и в учебной литературе по теории государства и права. Но зачастую эти обращения носят «дежурный» характер. Подобное обращение сродни дань моде: надо, так надо. Мало кто из авторов учебников по теории государства и права обращается к международно-правовой проблематике при рассмотрении категорий *основного понятийного ряда*. В этом ряду находятся категории, в которых прежде всего отражена сущность права, а именно – *норма права, принципы права как особые нормы права, система права, форма (источники права), законность, реализация права, правовое отношение, правопорядок*. В большинстве учебников по теории государства и права либо вообще не упоминается о международном праве, либо говорится отдельно от рассмотрения категорий основного понятийного ряда, и тем более – категорий функционального ряда. Приведем для иллюстрации сказанного примеры из некоторых учебников, рекомендованных Министерством образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». В авторском учебнике проф. М.Н. Марченко «Теория государства и права» совершенно справедливо содержится критика в адрес тех, кто не видит различия между *предметом* науки и ее *объектом* [8, с. 11-13]. Однако при рассмотрении объекта науки М.Н. Марченко, к сожалению, не отмечает многогранность и многоплановость объекта юридической науки, чем является государствен-

но-правовая действительность (реальность) во всех ее проявлениях, а именно в системе как внутренних, так и международных отношений. Подобный усеченный подход к пониманию объекта юридической науки, который является единым для всех ее отраслей знаний, прослеживается во всем содержании учебника. Автор отдает дань международному праву в главе XVI «Соотношение международного и национального (внутригосударственного) права» [8, с. 467-503]. Включение в учебник этой специальной главы уже само по себе выгодно отличает рассматриваемый учебник от многих других. Вместе с тем нас смущают акценты рассмотрения проблемы соотношения международного и внутригосударственного права. Автор в самом начале рассмотрения соотношения обеих правовых систем, по существу, смотрит на международное право как на *некий внешний фактор* для внутригосударственного права; последнему собственно преимущественно и посвящено основное содержание учебника. Достаточно обратиться внимание на тезис о том, что «при изучении права того или иного государства и общества» важное значение имеет «исследование национального (внутригосударственного) права в сравнении с международным» [8, с. 467]. В этой главе автор совершенно справедливо отмечает, что наряду с особенностями внутригосударственное и международное право имеют общие черты. Однако характеристика общих черт начинается не с анализа их природы и связи с государственной волей, а с указания на то, что международное и внутригосударственное право «являются правовыми системами, а не системами норм морали или других социальных норм, что они выступают под единым названием права». Остается только узнать, что же автор понимает под «названием права». Отмеченные им признаки права – «волевой, социальный и регулятивный характер» не указывают на *качественную определенность права* как важнейшего объективно существующего явления *социальной действительности*. М.Н. Марченко считает, что процесс согласования волей, результатом которого являются нормы международного права, есть «лишь некая теоретическая схема, своего рода международно-правовой идеал, который не всегда согласуется с действительностью» [8, с. 502]. При этом в характеристике действительности автор видит прежде всего давление «более сильных в финансово-эконо-

мическом и других отношениях государств на более слабые». Вероятно, поэтому больше с субъективных, нежели с объективных позиций М.Н. Марченко отрицает примат международного права. К сожалению, автор не выходит в объяснении природы общего международного права на фактор *пересечения интересов* всех государств – и сильных, и слабых, в то время как, именно этот фактор и делает *возможным согласование волей* юридически равноправных и вместе с тем столь разных государств. В другом учебнике такого же статуса, как и учебник М.Н. Марченко, под общей редакцией проф. В.В. Лазарева, прослеживается выход на другие факторы объяснения международного права, а именно указываются в качестве таковых «интернационализация жизни народов», целостность современного мира, «расширение международного партнерства и сотрудничества в различных областях общественной жизни», «всевозрастающее значение роли международных отношений, углубление их воздействия на внутреннюю жизнь государств, отдельных народов и отдельной личности» [9]. Из этих, с нашей точки зрения, принципиальных положений делается диаметрально противоположный позиции М.Н. Марченко вывод о примате международного права. Два учебника, два противоположных вывода по одному и тому же вопросу... О чем свидетельствует этот факт? Полагаем, о том, что в рамках фундаментальной науки правоведения начинает доминировать субъективный подход, что, разумеется, не свойственно фундаментальным наукам.

Более того, встречаются авторы учебников, в которых субъективный подход в теоретических исследованиях даже обосновывается. Так в авторском учебнике А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной «Общая теория права», рекомендованном Ученым советом СПбГУ в качестве учебника для студентов юридических вузов и факультетов, рассматривается понятие научного знания под углом зрения отношения познающего субъекта и объекта. За исходный тезис в пояснении задач научного знания и его метода, степени объективности научных выводов авторы взяли тезис о том, что по сравнению с естествознанием, предполагающим дистанцированность субъекта и объекта исследования, в социально-гуманитарных науках ученый (наблюдатель) не дистанцирован от объекта своего исследования, что он «сам является их участ-

ником, т. е. включен прямо или опосредованно в те объекты и процессы, которые он изучает». Логика рассуждений привела авторов к выводу о неизбежном и оправданном субъективизме в познании. Познание авторы именуют *научным наблюдением*, которое в «социально-гуманитарных науках, – по утверждению авторов, – осуществляется изнутри познаваемого объекта, в роли которого выступает общество, государство, нация и т. д.» Из чего авторы делают вывод о том, что привязанности исследователя («социально-политическая, национальная, профессиональная и иные привязанности») «во многом определяют выбор научных проблем, стратегию, и даже результаты их исследования», а следовательно, по логике этих авторов, «социально-гуманитарное познание, в отличие от естественнонаучного, весьма часто оказывается подверженным влиянию той или иной разделяемой исследователем идеологии» [10, с. 28]. Выступая с позиций субъективного подхода, авторы продемонстрировали широчайший плюрализм в правопонимании, называя в одном ряду «спортивное право», «корпоративное право», «каноническое право» и некое «индивидуальное право» и т. п. О международном праве в учебнике А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной говорится в главе IV «Понятие права» в параграфе 4 «Виды права». К одной из многочисленных классификаций авторы отнесли международное право, обозначив его как «экстрасоциальное право» [10, с. 124], противопоставив его «государственно-организованному праву». Международное право авторы сочли разновидностью социального права в силу того, что оно «не создается **отдельным** государством и не подконтрольно ему» и что «его субъектами являются не только государства, но и народы, нации, т. е. социальные общности». Что же, вполне точные замечания, подтвержденные общественно-исторической практикой... Однако трудно согласиться с последовавшим из этих тезисов выводом о том, что международное право «может получить статус государственного права при его интегрировании во внутригосударственное законодательство» [10, с. 124]. Авторы не поясняют при этом, **что** станет с самостоятельностью международного права, когда оно, согласно их терминологии, «получит статус государственного права». Полагаем, отрицательное отношение к указанному предположению и к обоснованию превалирования

субъективного подхода в науках, не относящихся к естествознанию, усилится, если принять во внимание, что авторы во введении к учебнику адресовали его студентам **первого** курса. Приведем еще одно характерное для субъективного подхода в науке положение этого учебника о делении права на официальное и неофициальное. По утверждению авторов, официальным правом может стать любой текст социальной структуры, если эти тексты были «манифестированы (публично объявлены и признаны)» [10, с. 126]. Используемая терминология при характеристике разных видов права, воспринятая студентами первого курса, на наш взгляд, не только не будет служить инструментом познания, но и приведет к путанице в понимании системы права внутригосударственного. Признание субъективного подхода в исследованиях в рамках теории государства и права неизбежно приведет к тому, что в юридической науке не станет фундаментальных знаний, а выводы исследователей будут различаться настолько, что ни о каких общих категориях и понятиях как инструментах познания и речи быть не может.

Пока субъективизм в теории государства и права не стал господствующим, необходимо говорить о совершенствовании фундаментальных научных исследований, результатов которых ждет общественно-историческая практика, в направлении разработки категорий и понятий, адекватно отражающих знания о сущностном и закономерном в государственно-правовой реальности. Требуется разработка **общего понятия права** как одной из фундаментальных категорий [11], благодаря которой студент как познающий субъект сможет воспринять целостность мира и осознать **общую судьбу человечества**. Считаем, категория «общее понятие права» позволит воспроизвести государственно-правовую действительность во всей ее полноте и отразит в своем содержании *качественные характеристики права*, что позволит наконец *определить право как многогранное и многоплановое явление объективно существующего мира*. Полагаем, важнейшая задача общей теории права состоит в том, чтобы дать ответ на вопрос о том, **что есть право как явление, субъективное по своей природе, но существующее объективно вне нашего сознания**, которое мы можем изучать, совершенствовать, но не можем от него отказаться. И только после получения ответа на этот вопрос удастся в научной, и особенно в

учебной, литературе отделить теории, имеющие отношение к идеологическому элементу правосознания (*доктринальное объяснение, каким должно быть право по мнению тех или иных авторов*), от тех теорий, в рамках которых воспроизводится в целостном виде правовая действительность (где указывается, **что именно** существует и **что** есть это будущее).

Не преодоленный до конца международно-правовой нигилизм сказывается в целом на качестве преподавания и является одной из причин отставания в подготовке специалистов, которые соответствовали бы как международным требованиям в целом, так и своеобразному стандарту, выработанному современным работодателем. Мы вынуждены в связи с этим констатировать отставание реформы юридического образования от требований юридической практики в самой России, не говоря уж о требованиях, вытекающих из осмысления международной практики. Изменения в российской правовой системе после принятия Конституции 1993 г. также в обязательном порядке должны быть учтены в подготовке юридических кадров. Прежде всего следует учитывать *принципиальное и определяющее* значение нормы, содержащейся в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Благодаря этой конституционной норме произошло *корреспондирование* международных обязательств России субъектам внутреннего права. Практика сегодня нуждается в специалистах, знающих не только внутреннее право, но и международное право, во всех областях использования труда юристов. Работодатель в новых условиях тесного взаимодействия внутригосударственного и международного права, совпадения предметов их правового регулирования выработал свой **образовательный стандарт**, в котором нашлось место и знаниям международного права.

Несмотря на отмеченные коренные преобразования нашей правовой системы, государственный образовательный стандарт применительно к преподаванию международного права остался прежним. Преподаванию этой учебной дисциплины по-прежнему отводится только один восьмой семестр. Задача овладения студентами прочными знаниями международного права с прицелом на нужды практики диктует

необходимость увеличения времени, отводимого для его изучения, хотя бы до двух семестров. Международно-правовой нигилизм в науке теории государства и права порождает нигилизм в студенческой среде. Этому способствует также то обстоятельство, что к изучению международного права студенты приходят *психологически не подготовленными*. Если к изучению любой отраслевой учебной дисциплины студента готовят преподаватели теории государства и права, вооружая его общеправовым понятийным и категориальным аппаратом, то применительно к учебной дисциплине «Международное право» программа такой учебной дисциплины, как «Теория государства и права», относится индифферентно. Коль скоро в учебном курсе «Теория государства и права» *право как социальное явление* рассматривается преимущественно применительно к внутригосударственному праву, нетрудно понять, что о существовании международного права студент узнает только в восьмом семестре. К началу изучения международного права у студента, как правило, оказывается сформированным устойчивое понимание *практической значимости права внутригосударственного*, более того, к восьмому семестру у большинства студентов также складывается представление и о своем месте в профессии... Не имея самых общих сведений о международном праве к началу его изучения, студент *не видит, да и не может видеть, необходимости в знаниях международного права для будущей своей профессиональной деятельности*. Поэтому изучение международного права студент часто воспринимает как некий факультатив, знания которого вряд ли могут пригодиться на практике.

Для сокращения существующего разрыва между государственным образовательным стандартом и «*образовательным стандартом работодателя*» необходимо преодолеть сложившийся стереотип в отношении студентов к изучению международного права. В этих целях следует добиваться изменения структуры образовательной программы для юридических вузов. В федеральный компонент по учебной дисциплине «Теория государства и права» было бы целесообразным включить самостоятельный раздел «Природа права – международного и внутригосударственного. Общее понятие права». Однако без окончательного преодоления международно-правового нигилизма в фундаментальной науке вряд ли станет возможным

изменение к лучшему в образовательном процессе. В рамках теории государства и права необходимо *схватить в одних понятиях и категориях* существенное и закономерное для обеих правовых систем. А пока этого не случилось, преподаватели теории государства и права дол-

жны прилагать все усилия, чтобы студент смог воспринимать государственно-правовую действительность не в усеченном (в границах внутренних отношений), а в полном объеме с учетом функционирования этой реальности и в международных отношениях.

Список использованной литературы:

1. Афоничкина, Н.В. К вопросу о соотношении фундаментальной науки правоведения и международного права / Н.В. Афоничкина // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2008. №4 – С. 42.
2. Васильев, А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев – М.: Юридическая литература, 1976.
3. Тункин, Г.И. Теория международного права. / Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. – М.:Зерцало – Гарант. – (Серия «Русское юридическое наследие»), 2006 – С. 185-192.
4. Васильев, А.М. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем. / А.М. Васильев // Советское государство и право, 1985 №1. – С. 64-72.
5. Игнатенко, Г.В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем. / Г.В. Игнатенко // Советское государство и право, 1985 №1. – С. 73-81.
6. Аннотации выступлений по докладам А.М. Васильева и Г.В. Игнатенко // Советское государство и право, 1985 №1. – С. 81-84.
7. Афоничкина, Н.В. К вопросу о необходимости уточнения понятийного и категориального аппарата юридической науки в свете взаимодействия международного и внутригосударственного права / Н.В. Афоничкина // Вестник Оренбургского государственного университета. Юриспруденция., 2006. №9. Приложение. – С. 182-189.
8. Марченко, М.Н. Теория государства и права: учебник. / М.Н. Марченко – М.: Проспект, 2005.
9. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2005. – С. 247-248.
10. Поляков, А.В., Общая теория права: Учебник / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербурга, 2005. – С. 28.
11. Афоничкина, Н.В. Международное и внутригосударственное право как диалектические противоположности в «общем правовом поле» / Н.В. Афоничкина // Перспективы развития правового регулирования международных отношений в XXI веке. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции. – СПб.: Россия-Нева, 2007. – С. 22-123.

Афоничкина Н.В., доцент кафедры теории государства и права и конституционного права
Оренбургского государственного университета, кандидат юридических наук
460048, г. Оренбург, пр-т Победы, 141, тел. 89228707927, e-mail afonnv@mail.ru

Afonichkina N.V. FUNDAMENTAL SCIENCE – JURISPRUDENCE'S CATEGORIAL APPARATUS AS MEANS OF COGNITION IN EDUCATIONAL PROCESS

The actual questions of main categories and concepts of fundamental science – jurisprudence's role in conditions of its unification and harmonization in educational process are given. Formation's necessity of special student world outlook – future lawyers as specialists in XXI century is based. Offers on federal component's improvement in the general program of preparing legal personnel are expressed.

The Keywords: generally legal categories, scientific thinking, means of cognition, educational standard, common to all mankind values, educational process' unification and harmonization, lawyer's personality in the XXI century, teaching of international law and theory of state and law.

Bibliography:

1. Afornichkina, N.V. To the question of fundamental science – jurisdiction and international law's correlation. / N.V. Afornichkina // Academy of economic safety of Russian MVD's Vestnik, 2008 №4 – P.42.
2. Vasiliev, A.M. Legal categories. Methodological aspects of system of categories of theory of law's development / A.M. Vasiliev – M.: Legal literature, 1976 – P.58.
3. Tunkin, G.I. The Theory of international law. / gen. ed. prof. L.N. Shestakova – M.:Zercalo – Garant. – (the Series «Russian legal heritage»), 2006– P.185-192.
4. Vasiliev, A.M. About of soviet and international law systems. /A.M. Vasiliev // Soviet state and law, 1985 №1 –P. 64-72.
5. Ignatenko, G.V. International and soviet law: the problems of interaction between international and national law/ / G.V. Ignatenko // Soviet state and law, 1985 №1 –P. 73-81.
6. Annotation of discussion about reports of prof. A.M. Vasiliev and prof. G.V. Ignatenko / Soviet state and law, 1985 №1 – P.81-84.
7. Afornichkina, N.V. To the question of the necessity of notional and categorial device of the legal science's revision in the light of the international and national law's interaction. / N.V. Afornichkina // Vestnik of Orenburg state university. Jurisprudence, 2006. №9. Appendix. – P.182-189.
8. Marchenko, M.N. The Theory of state and law: textbook. / M.N. Marchenko – M.: Avenue, 2005.
9. The General theory of law and state: Textbook / ed. V.V. Lazareva. – 4-th ed., cor. and compl. – M.: Yurist, 2005. – P.247-248.
10. Polyakov, A.V., General theory of the law: Textbook. / A.V. Polyakov, E.V. Timoshina – SPB.: Publishing House– S.-PETERB. St. Un. 2005.
11. Afornichkina, N.V. International and national law as dialectical oppositions in «general law sphere» / N.V. Afornichkina // Development of legal regulation of international relations' prospects in XXI century. Theses of reports of International scientifically-practical conference. – SPB.: Russia-Neva, 2007. – P. 22-123.